

Янь Янь был в плачевном состоянии: лицо и руки в царапинах, одежда грязная, как у маленького бродяги.

Как только в доме Шао Ицзяня стихли разборки, обычно молчаливый Янь Янь вдруг зарыдал, всхлипывая и икая, и начал петь детскую песенку:

— Не смотрите... ик... я всего лишь... ик... овечка...

Все: «...»

Настоящий гений!

Странно, но после того дня Янь Янь словно переродился, быстро превратившись в «нормального» ребенка.

Бабушка Шао, привыкшая к проделкам Шао Ицзяня, долгое время считала такое поведение нормой, и теперь ей казалось, что Янь Янь ведет себя вполне обычно —

Он плохо ел, беспокойно спал, и, возможно, из-за того, что только начал говорить, его вербальные и невербальные выражения стали невероятно активными. Из маленького молчуна он превратился в болтуна, который не произносил ни слова.

Его способ выразить «тетя, тетя, сегодняшнее блюдо было очень вкусным» заключался в том, что он не только съедал всё, но и вылизывал тарелку до блеска, словно в прошлой жизни умер от голода.

Каждый вечер перед сном он с энтузиазмом брался за уборку постели. Его «уборка» была настоящей атакой: он сметал пыль с кровати, заодно отправляя на пол пульт, чесалку для спины и корзинку для шитья бабушки Шао.

Перед сном он ещё некоторое время прыгал и танцевал под мультики на CCTV, чуть не разрушив старую кровать, которая пережила пятьдесят лет бурь и непогод.

Телевизор в доме Шао часто выходил из строя, экран покрывался полосами. Обычно в таких случаях бабушка Шао пару раз стучала по задней панели, и всё возвращалось в норму.

Янь Янь, не имея наставника, сам освоил этот навык, необходимый для выживания фанату мультиков. Он соскакивал с кровати, ставил табуретку под шкаф, вставал на цыпочки и изо всех сил бил по задней панели телевизора, пока изображение не возвращалось. Затем, словно жук-навозник, он снова взбирался на кровать и продолжал прыгать.

Его короткие ножки мелькали по комнате, он был похож на живого сурка. Шао Ицзянь, наблюдая за его неудачными попытками, несколько дней провел в заточении.

В этом году засуха была особенно сильной, что сильно озадачило местных фермеров, зависящих от погоды. К тому же, в поселке были перебои с водой и электричеством, и поля приходилось поливать из общего колодца, по очереди. Каждая семья имела свое время, но обычно на полив уходили целые сутки.

Во время сельскохозяйственных работ, когда приходила очередь поливать поля, вся семья выходила с фонарями и едой на весь день и оставалась в поле.

Семья Шао не была исключением.

Очередь семьи Шао на полив пришлась на время, когда только начинало смеркаться.

Дома остались двое малышей: Янь Янь, который спал после обеда и до сих пор не проснулся, и Шао Ицян, который перед телевизором с усердием дописывал свои сорок дневников за лето и безумно сложные летние задания.

Решили запереть дом снаружи, оставив детей внутри.

Бабушка Шао повязала на голову выцветшее полотенце и, уходя, оставила Шао Ицяню такие указания:

— Присматривай за своим дядей, корми и пои его, понял? На столе еда, разогреть сможешь?

К восьми-девяти часам вечера Шао Ицян, уставший от выполнения домашнего задания — или, возможно, от просмотра телевизора — решил закончить день и отправиться спать.

Он тайком пробрался на кухню, надеясь своим собачьим нюхом найти, где бабушка прячет кунжутное масло, чтобы побаловать себя и утешить израненное сердце.

Шао Ицян, успевший подкрепиться, вернулся в спальню, где Янь Янь, всё ещё сонный, сидел на кровати и тер глаза.

Малыш чесал лицо, и вскоре на нём появился укус комара. Он моргнул и сказал единственному живому человеку в комнате:

— Я хочу есть.

Шао Ицян: «...»

Он посмотрел на своего несчастного дядю и подумал, что завтра солнце точно взойдет с запада — это был первый раз, когда малыш сказал, что голоден. Вспомнив, сколько свиных хвостиков он потерял за эти годы, он с хитрой улыбкой сказал:

— Хочешь есть? Ха... Голодай.

Затем он лег в кровать и выключил свет.

Кстати, о распределении места на кровати. Оба ребенка спали с бабушкой и дедушкой Шао. До приезда Янь Яня на большой кровати всегда было место для Шао Ицяня. Потом это место, как и свиные хвостики, и Пёс, стало собственностью Янь Яня.

Шао Ицяня переселили на старую, скрипучую деревянную кровать рядом с главной кроватью. Эта кровать была настоящей катастрофой: щели между досками были настолько большими, что при малейшем движении она скрипела, а если подстилка была слишком тонкой, Шао Ицян мог застрять, получив «величественную» царапину.

С накопившимися обидами Шао Ицян не упустил возможности подразнить Янь Яня, пока взрослых не было дома.

Он проигнорировал слова Янь Яня, удобно устроился на своей кровати, положив руки за голову, и приготовился к сладкому сну. Но в темноте вдруг раздался громкий крик, чуть не сбросивший его с кровати —

— Я хочу есть! Я хочу есть! Я хочу есть! Я хочу есть...

Шао Ицяннь почувствовал странное удовольствие, представляя, что это крики рабов, восставших против угнетения. Он подумал:

— Ну, кричи, не останавливайся. Ох, как приятно.

Затем к этому крику добавился жалобный кошачий вопль — Пёс, всегда поддерживавший Янь Яня, тоже присоединился к протесту.

Человек и кошка кричали изо всех сил, доводя Шао Ицянню до белого каления. Вскоре конфликт сместился с Шао Ицянню и Янь Яня на Пса и Янь Яня.

Они устроили настоящую дуэль! Их крики сливались в одно:

— Мяу, я хочу есть!

Шао Ицяннь: «...»

Пёс взял на себя основную часть атаки, и Шао Ицяннь отошел на второй план, но... его уши не знали покоя.

В ярости он вскочил с кровати, чтобы включить свет, но дернул шнурок с такой силой, что он оборвался. Свет на мгновение вспыхнул, а затем погас. Шао Ицяннь, держа в руке оборванный шнурок, обернулся к кровати и увидел, что Пёс, несмотря на свой возраст, устроился на шее Янь Яня, словно шарф.

Янь Янь надул губы, его глаза были ясными, и после долгой паузы он произнес:

— Я хочу есть!

Шао Ицяннь рассмеялся, подошел к нему и взъерошил его чёлку, сказав:

— Умри с голоду.

Он принес еду, которую бабушка оставила на кухне, и позвал Янь Яня подойти поесть.

Янь Янь, держа палочки, смотрел на тарелки с едой, словно в трансе, и присел на корточки, превратившись в «камень, смотрящий на еду».

Шао Ицяннь, исчерпав своё терпение, встал и сказал без эмоций:

— Ешь, если хочешь.

Янь Янь понял его и завопил ещё громче:

— Я хочу есть! Я хочу есть!

Шао Ицяннь, уже на грани, ударил палочками по столу и пригрозил:

— Ещё слово, и я отрежу тебе пипку.

Ответом Янь Яня был ещё более громкий вопль, сопровождаемый ударами по столу и топаньем ногами, словно это была какая-то древняя вражда.

Шао Ицяннь: «...»

<http://bllate.org/book/16843/1549540>